

**ПИСЬМА С ФРОНТА
ТАТАР-СОЛДАТ.**

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Прежде чем дать письма периода империалистической войны татар-солдат, мы коротенько скажем об отношении к войне различных классовых групп татарской национальности. Начнем с татарской буржуазии, поведение которой во время войны чрезвычайно характерно для буржуазии любой национальности 6. Российской Империи.

Еще во время революции 1905 года выявился тесный союз между татарской буржуазией и самодержавием. В годы послереволюционные он укрепился. Хорошо известно, что в период реакции муллы предавали в руки полиции татар, участвовавших в революционном движении. Свои взгляды и свою политическую платформу имамы (конечно, в союзе с буржуазией) так описывали Столыпину: „Мы мусульманско-татарский народ с давних времен составляли об-во, которое чистосердечно относилось, как к своему Великому Государю, так и к правительственным лицам. Мы, имамы, совершали молебствие в каждую пятничную молитву и желали долгого благоденствия, как своему Великому Государю, так и его верноподданным и высокому российскому правительству.... Мы сдерживали односельчан мусульман от дурных дел, и до сего дня прихожане очень слушались нас, потому что и наш Коран и наша исламская вера повелевают повиноваться Богу, Пророку его, правительству, слугам Государя и начальству по великим словам Корана (IV, 62): „Повинуйтесь Богу, повинуйтесь посланному его и тем из вас, которые имеют власть“. Что мы хорошо знаем свою религию—известно всякому. По нашей вере исламской грешить против царя нельзя, нельзя и не повиноваться ему“.

Это свое политическое кредо татарская буржуазия не менее четко выявила и в 1913 г., когда праздновалось трехсотлетие дома Романовых. Все буржуазные и национально-религиозные татарские газеты пели хвалу русскому монарху. Г. Газиз в немногих словах философско-исторически обосновал политику татарской буржуазии: „наши татары принимали участие в соборе, когда выбирали на трон России Михаила Федоровича Романова. Вот поэтому мы можем без малейшего сомнения сказать, что этот царский род является выбранным нами, нашим царем“¹⁾.

¹⁾ Ф. Сайфи. Трудящиеся татары накануне Февральской революции „Очерк по истории местного края“ т. I К 1930 г

Поэтому нет ничего удивительного в том, что начало империалистической войны татарская буржуазия встретила патриотической манифестацией. Казанский губернатор сообщал в своем донесении начальнику Департамента полиции 19 ноября 1914 года: „в Казани... в состоявшейся 21 июля манифестации мусульман участвовало свыше 500 человек; манифестанты пели русский национальный гимн, совершали молебствие за царя, о даровании нам победы и вообще проявляли действительный подъем патриотических чувств“. Эта манифестация лишней раз показала наличие среди мусульман классовых групп, сотрудничавших с самодержавием.

Патриотические манифестации в начале войны и все отношение к войне татарской буржуазии не были неожиданными, но были, как мы видим, подготовлены процессом консолидации мусульманской буржуазии, как контрреволюционной силы, в предшествующий период.

Татарская буржуазия, духовенство, помещики-мурзы, хотя и принимали лозунг „единство тюрков“, но тем не менее устами своего идеолога С. Алкина клялись во время войны в верности русскому государю. С. Алкин всячески доказывал, что выступление Турции против Антанты ни в какой степени не может ослаблять симпатию татар к русскому отечеству.

Оренбургский муфтий 14 октября 11 ноября 1914 года в специальных обращениях призывал всех правоверных выступить на защиту России против Германии, Австрии и единой Турции:

„Русское государство есть наше отечество, дорогое и милое сердцу как нашему, сердцу мусульман, так и сердцу всех живущих в нем народов. Беречь его от врагов есть долг как для прочих наших соотечественников, так и для нас. И в настоящие дни многие сотни тысяч наших братьев-мусульман, выпячивая грудь в рядах войск, проявляют против врага героизм, и за это самое дорогое наше отечество жертвуют собою. Какое количество их получают раны. На том же пути расходуются наши капиталы, добытые тысячами забот.

...„И во времена прежних войн, защищая отечество, русские мусульмане выказывали великие самопожертвования, и во время настоящих, происходивших перед нами событий, они, Бог даст, выкажут с избытком еще раз свой патриотизм“.

Татарская буржуазия поддерживала войну и материально: устраивала сборы средств на нужды войны, открывала столовые, госпитали и т. д. В Петрограде существовал „Комитет помощи больным и раненым мусульманам всей России“, который не только лечил ра-

ненных и доставлял продовольствие на фронт, но также посылал в армию войсковых мулл, молитвенники и проч.

Выразителем чаяний татарской буржуазии и духовенства была мусульманская фракция Госуд. Думы, по случаю войны громогласно кричавшая и писавшая о желании отразить „дерзкое нападение врагов нашего отечества“, посягнувших на честь, достоинство и целостность его. „В полном сознании долга своего перед родиной мусульмане готовы на всякие жертвы и в полном единении со всеми русскими до конца будут бороться и защищать честь и целостность России“ ¹⁾. В другом заявлении мусульманская фракция говорила: „Как в прежние годы войны так и теперь мусульмане беспрекословно предоставляют Российскому Государству своих отцов, сыновей, братьев и достояние для борьбы с внешним вагом. Отношение мусульман к настоящей войне вытекает из старых традиций, которые заключаются в том, что мусульмане, сражаясь за Россию с ее врагами, всегда проливали кровь одинаково и наравне с коренным русским населением. Теперь же перед лицом грозящей государству внешней опасности мусульмане вместе со своими согражданами проникнуты одним сознанием долга — твердо отстаивать с оружием в руках честь и достоинство русского государства и воодушевлены одним желанием довести до скорого и успешного конца настоящую грозную войну“ ²⁾.

Татарская буржуазия не боролась, как пыталась она показать, а торговалась с царизмом из-за прилично оплачиваемых государством местечек, из-за „своих людей“ в государственных учреждениях. „Борьба за клиентов, за покупателей, за пациентов — выдается за борьбу за „национальные интересы““ ³⁾.

Татарская буржуазия устами одного из своих журналистов в газете „Турмуш“ ⁴⁾ № 217 за 1915 год прямо говорила: „Мы, разу-

¹⁾ А. Аршаруни и Х. Габидуллин, Очерки панислаизма и пантюркизма в России, изд. Безбожник, 1931 г., стр. 49.

²⁾ Там же, стр. 50.

³⁾ Г. Сафаров. Национальный вопрос, хрестоматия, том первый, 1931 года, стр. 64.

⁴⁾ Газета „Турмуш“ вообще старается подчеркнуть патриотизм местных мусульман. Приводя беседу с депутатом Ахтиямовым в Каманган на суде над инородцами, обвинявшимися в происходивших недавно беспорядках, приводит слова прокурора: „В то время, когда Россия ведет такую тяжелую войну, инородцы не оказывают содействия“. И, далее, с нескрываемым удовольствием газета отмечает, что Ахтиямов обессилил обвинение прокурора своим замечанием: „Здесь вину отдельных

меется, прежде всего желаем, чтобы в государстве не было анархии—государство может существовать только при законах и порядке“. В этих словах буржуазия, высказываясь „за порядок“, выступает против революции. Своим классовым существом татарская буржуазия ничем не отличалась от буржуазии любой национальности. Татарская буржуазия, так же как и русская, инсценировала во время войны национальный мир в России. В действительности, этот мир потерпел быстрое крушение, что прекрасно видно на примерах репрессий в отношении башкир и других восточных народов, чрезвычайно усилившихся после восстания „инородцев“ в 1916 году.

Можно привести очень много материала, характеризующего верно-подданническое поведение татарской буржуазии в годы империалистической войны. Татарская буржуазия охотно присоединила свой голос к общему хору русской буржуазии, кричавшей: „Война до победного конца“. Ларчик открывался просто. Как и буржуазия других воюющих наций, татарская буржуазия извлекала из войны великолепные доходы. Миллионеры Казани, Уфы и Оренбурга срывали солидные куши на военных поставках. Поэтому нет ничего удивительного в том, что война татарской буржуазией была принята с большим под'емом.

Полную противоположность этому представляло отношение к войне татар-рабочих. Татары-рабочие были в рядах революционного авангарда еще в 1905 году. Особенно это относится к татарам, работающим на Алафузовских фабриках, в Кукморе, на Кокшанских заводах, давно имевших большое число рабочих-татар и др. Эта революционная активность шла под руководством социал-демократов-большевиков Садыка Сагеева, Хусайна Ямашева и др. В Баку рабочие-татары, участвуя в революционных выступлениях 1905-1907 гг., выдвинули таких руководителей большевиков, как Джагфар Якубов и Сибгат Гафуров.

Единым фронтом, рука об руку, русские и татарские рабочие выступили и против империалистической войны, несмотря на все репрессии и тяготы военного положения. Правда, эти выступления не были массовыми, но они все же показывают, что татарские и русские рабочие отрицательно относились к войне. Возьмем например дело слесаря Лось, возникшее в ноябре 1914 года.

лиц возводят на всю нацию“... (Из отчета Казанского цензора от 10/II 1917 г. д. № 27).

Слесарь Лось зашел для исправления водопроводных труб в чайную Горшенева. Присев за стол, он начал читать телеграммы о войне и „стал говорить противоположительственные слова, как-то: Солдатам не нужно ходить на войну, солдаты дураки. Ну, для чего вы идете на войну и для чего вам война ¹⁾. Уходя на войну, вы оставляете свои семейства нищенствовать и голодать, а вернетесь назад калеками. Пусть даже война и будет выиграна, но вам все равно ничего не дадут, калек же будет сколько угодно. Раны ваши залечат, а потом выгонят вас на все четыре стороны и вы должны будете идти нищенствовать. Мы раньше без войны жили, дело обходилось. Да и эту войну не Германия нам объявила, а мы объявили Германии. Дураки, что в солдаты пошли; ведь вы только пушечное мясо и больше ничего“.

Получается, как видим из этого показания, небольшая, но довольно складная речь, насыщенная определенным революционным содержанием. Грабительская суть войны в ней выявляется достаточно ясно. История эта стала скоро известна жандармерии. Лось был немедленно привлечен к ответственности по 129 ст. Уголовного Уложения и военно-окружной суд приговорил его в январе 1915 г. к высылке в Енисейскую губернию, куда он и выбыл в марте того же года ²⁾.

Это выступление не было единичным. Еще в сентябре 1914 года на заводе Алафузовых рабочих Мингазетдин (Мингазей) Шагиахметов выступал против вычета с рабочих процента в пользу раненых, а также агитировал против пожертвования на нужды войны. Работу эту он вел преимущественно среди татар прядильного и мотального отделений завода. „Он—говорила агентура—настаивает, чтобы никто из рабочих не соглашался на вычеты в пользу раненых, доказывая, что не следует поощрять боини“. Мингазей объяснял рабочим, что жертвовать на раненых не следует: „Пусть их лечит тот, кто начал войну“. Одновременно он энергично собирал деньги среди рабочих в пользу высланных партийных работников. А 24 сентября 1914 года и сам Шагиахметов был выслан из г. Казани в Самарскую губернию ³⁾.

¹⁾ Лось обращался к хозяину чайной, который призывался на войну.

²⁾ Дело Лося приведено по статье Е. Медведева. журнале „История пролетариата СССР“ № 7, изд. Коммунистич. Академии, 1931 г., С. 138.

³⁾ Дело Шагиахметова также приводится по упомянутой статье Е. Медведева.

На этой же фабрике М. Шарафутдинов агитировал против жертвований на войну. По словам жандармского управления он являлся социал-демократом.

Разумеется, агитация Шагиахметова, Шарафутдинова и др. имела на заводе большое влияние. Агентурные сведения говорят, что жертвования в пользу войны на Алафузовском заводе собирались плохо.

Анализ жандармских данных, говорящих о настроении рабочих-татар в начале войны, приводит к выводу, что хотя татары-рабочие в массе своей открыто не выступали против войны, но настроены были резко против войны.

Против войны же были настроены и крестьяне-татары.

Бедняцкая и середняцкая части деревни более отчетливо, чем когда либо до этого, стали сознавать свои противоречия с кулацкой верхушкой деревни. Бедняки не могли не видеть, как богатая часть деревни могла по прежнему обеспечивать себя не только наемной силой, но и рабочими силами собственной семьи, освобождая своих сыновей от военной службы за взятки. Разоряя беднейшие слои деревни, война обогащала зажиточно-кулацкие хозяйства. Легче преодолевая трудности, вызванные войной, спекулируя хлебными запасами, прибегая к найму рабочей силы, не испытывая недостатка в живом и мертвом инвентаре, богатые хозяйства наживались на беде своих разорившихся соседей. Поэтому, естественно, среди бедняков и середняков имели место прямые и открытые выступления против войны в самом ее начале, заостренные также и против кулаков.

Интересным является архивное дело за 1915 г., № 287 „об обнаруженных расклеенными в г. Цивильске об'явлений о неправильности, будто допущенной при мобилизации ратников II разряда“. В рапорте от 10 сентября 1915 г. помощника Цивильского уездного исправника самому исправнику сообщается о том, что в г. Цивильске распространены в $\frac{1}{4}$ листа бумажки, напоминающие прокламации: „Призыв к бунту против членов, заседавших в Воинском присутствии, за деньги освобождавших богатых“. В прокламациях говорится о том, что бедному человеку, поскольку он не в силах откупиться от мобилизации деньгами, остается одно—итти на смерть. Заканчивались эти листки обращением к населению с вопросом: „Справедливо ли это. Просим рассудить“¹⁾.

¹⁾ Полицейский надзор, посланный помощником исправника, нашел по городу еще одиннадцать расклеенных экземпляров, не считая тех, которые были приклеены на заборы, ворота и двери здания воинского присутствия.

Катастрофически увеличиваются дела „об оскорблении величеств“. Дела судебной палаты за 1915 и 1916 годы представляют собой целый сборник „комплиментов“ по адресу Николая II. Особенно щедро дарили их крестьяне-татары. Эти „комплименты“ ясно характеризуют отношение крестьянства б. Казанской губернии к царизму.

Вот несколько фактов²⁾ антивоенных выступлений в татарских деревнях. В одной деревне Мамадышского уезда, когда староста наряжал подводы для отправки запасных, крестьянин Нурмухаметов, отказавшись ехать, заявил: „Плюю я царю в нос, я не позволял царю делать войну, война не для меня, я не обязан царю людей таскать, я о войне не тужу, у меня своей работы много, надо жать“. Случай был 22 июля 1914 г.

27 августа 1914 г. жандармское управление доносило о двух крестьянах Цивильского уезда—Шафигуллине и Мухаметове, которые говорили, что мусульманам России будет выгоднее, если она (т. е. Россия) будет ослаблена в войне.

Часто татары высказывались против сборов на Красный Крест и вообще пожертвований. Староста д. М. Шуя Галеев за об'явление Россией войны Турции назвал императора дураком, „дурной башкой“ и добавил, приэтом, что до царя давно уже добирается его (Галеева) тесть Япаров, который, кстати, числился политически неблагонадежным еще с 1905 г. Мобилизованный Халлиулин в с Тавелках Мамадышского уезда заявил: „наш государь мошенник, в чужое дело ввязывается, его надо застрелить“. „Наш государь император—гадина; он не может воевать, германец у нас все завоевывает“—вел разговоры крестьянин д. Шанкиной, Тетюшского уезда Назмутдинов. „Нас государь все обманывает, говорил Файзуллинов из Мамадышского уезда, пишут, что наших мало бьют, а вовсе наших больше бьют, чем австрийцев... У нас государь дурак, из-за него у нас весь народ кончают“. Староста д. Бурзан-Инги, Мамадышского уезда, Сагит Халиков в гостях хвалил немецкое оружие, немецкую находчивость и отличную тактику в военном деле, про государя же заметил, что он „ничего не знает, а только подставляет народ под огонь немцев, что надо бы его убить самого“. Крестьянин дер. Миндубаевой Сиразетдинов в разговоре сказал: „Зачем мулла обирает народ, зачем собираются жертвы, народ живет бедно. Государь император все время клянчит. Если денег нет, так не надо начинать войну. Царь грабит народ поборами на Красный Крест“. И т. д. И т. д.

²⁾ Эти факты взяты из вышеуказанной статьи Е. Медведева.

Рабоче-крестьянское население Казанской губернии встретило войну, как большое несчастье и, конечно, не ожидало от нее каких либо для себя улучшений. Рабочие и середняцко-бедняцкие массы относились к военным действиям отрицательно, как правило желая поражения царизму.

Нежелание воевать выражалось и в фактах добровольной сдачи в плен. Имеются специальные дела, возбужденные против конкретных носителей такого своеобразно-стихийного пораженчества. Так, „несколько призванных по мобилизации нижних чинов с. Бездны, Спасского уезда (7 человек) при призыве их на службу говорили своим однобществовикам о том, что они не станут участвовать в сражениях, но, как только встретят неприятеля, то тотчас же перейдут на его сторону или сдадутся в плен“. Позднее выяснилось, что они об этом говорили не только на словах, но осуществили и на деле. В первые же месяцы войны они попали в плен к австрийцам. (Дело канц. Казанского губернатора № 226 за 1914 г.). Аналогичный случай приводится о крестьянине д. Ивановки, Казанского уезда, который был участником волнений 1905—06 года и теперь, во время июльской мобилизации, тоже говорил, что „он не дурак драться, а сдастся в плен“. По слухам в 1915 году он уже был в плену, о чем губернатор и сообщил в Штаб Каз. Военного Округа (Дело Канцелярии губернатора № 96 за 1915 год).

По всем данным подобные настроения, которые констатирует губернатор, охватывали значительные массы трудящихся татар. Недаром губернатор в заключении своего описания о настроении татар заявил, что „отношение к мусульманам местной власти остается самым бдительным“ ¹⁾.

Особенно усилились эти пораженческие настроения среди трудящихся татар после неудач на фронте весной 1915 г., когда русская армия под ударами германо-австрийских сил откатилась из Галиции. „В Поволжье, в Казани наблюдались случаи устной пропаганды „пораженческих“ теорий и даже попыток распространить воззвания, призывающие мусульман „пробудиться от сна, пока есть время и случай“ ²⁾.

В годы империалистической войны в Ядринском уезде имели место столкновения солдаток с землемерами на почве землеустройства. Аграрные движения в Ядринском уезде среди „инородцев“ не были единичными фактами.

¹⁾ „Великая отечественная война“, Казанская губерния 1914—1915 г.г. стр. 134.

²⁾ „Великая отечественная война“, стр. 154.

Достаточно вспомнить аграрное движение башкир в Уфимской губернии, движение женщин-мордвинков, которые в 1915 году в Краснослободском уезде толпой в 300 человек не допустили землемера к работам по отрезу земли отрубникам¹⁾.

Более крупные размеры носил бунт солдаток в Лукояновском у. Нижегородской губ. 22 апреля 1915 г.

„Антиотрубные бабьи бунты“ разыгрывались во многих местах и б. Казанской губернии. Эти бунты говорят нам о борьбе крестьянства не только против помещиков, но и против своей деревенской буржуазии—кулаков, „владельцев“ отрубов, хуторян. Нижеприводимый документ иллюстрирует это положение.

„ПРОШЕНИЕ²⁾“.

Его Высокопревосходительству Господину Губернатору.

От жителей дер. Шемякиной, Средне-Болтаевской волости, Тетюшского уезда, Казанской губ., Галима Измайлова, Мухутдина Джемалютдинова, Хамидулы Насырова и Сайфутдина Бикбулатова.

Высокостепенному господину Губернатору. 25 апреля в казну были выбраны лошади в 14 военном конском участке Болтаевской волости, Тетюшского уезда. Из всей волости налажено к отправке 123 лошади. Эти лошади принадлежали крестьянам среднего и низшего состояния. У каждого из них, можно сказать, сыновья или на войне, или на чужой стороне, или умерли, так что мы остались без кормильцев, а сверх того и без лошадей. Из нашей деревни Шемяковой взято 6 голов лошадей: первая у Галима Измайлова, их 2 брата, из которых младший вернулся с войны решительно ни на что негодный, сын на войне, лошадь у него взята в казну; 2-я у Хамидулы Насырова, сын его на войне, лошадь взята в казну, и он остался без лошади; 3-я у Энвера Ахсанова, два его сына на войне, один из них умер, лошадь взята в казну; 4-я у Мингаджутдина Ахтямова, сын его умер на войне, лошадь взята в казну; 5-я у Мухутдина Джемалютдинова, из троих братьев двое на войне, лошадь взята в казну и он остался без лошади; 6-я у Сайфутдина Бикбулатова,

¹⁾ Шестаков. Очерки по с/х и крестьянскому движению в годы войны и пред Октябрем 1917 года, Изд. Прибой 1927 года, стр. 114.

²⁾ Вестник общества Татарстан, № 3.

из трех братьев один на войне, лошадь его взята в казну. Эти самые бедные крестьяне остались без сыновей и лошадей, между тем как богачи нашей волости, состояние которых доходит до 20—30 тысяч, из 4—5 голов лошадей не дали ни одной; к тому же всему удивительно каждому, что сыновья их остались дома, как негодные. Как богачи оставили своих сыновей негодными, так же весьма умело они оставили и своих лошадей. 25 апреля выбрано к отправке в Тетюши из волости 123 головы лошадей, на глазах у всех от богачей приготовлено отправить в Тетюши 3—2 головы лошадей“.

Власти были сильно встревожены выступлениями трудящихся против войны и яростно начали уничтожать „крамолу“. Зачинщиков предавали военному суду. По официальным сведениям в Казанской губернии за первый год войны было предано этому суду 80 человек (фактическая цифра безусловно выше). Какова была судьба этих людей, так или иначе протестовавших против империалистической бойни, нам неизвестно за отсутствием источников (военно-судебный архив Казанского Военного Округа не разобран). Однако, поскольку эти суды действовали в Казанском Военном Округе чрезвычайно „решительно“, а командующий войсками КВО генер. Сандецкий утверждавший приговоры, обычно настаивал на смертной казни, то легко догадаться об участии этих безвестных товарищей, поднявших свой голос протеста против гнусной империалистической войны и попавших под огонь скорострельной „юстиции“.

Сделаем вывод. Рабочее и крестьянское движение в годы войны всюду проходило в духе большевизма. Большевистская партия всячески способствовала слиянию разрозненных выступлений в единый и мощный поток и увязке рабочего движения с крестьянско-солдатским восстанием против царизма. Ход событий за годы войны скреплял боевой союз рабочих и вооруженных крестьян, с одной стороны; союз буржуазии и помещиков с царизмом, с другой. Агитация против империалистической войны перешла в 1917 г. в активные действия против правительства и буржуазии. Ленинская партия показала способность перейти от общей агитации к руководству революционным выступлением.

* * *

Татарин-рабочий и крестьянин, попадая в армию, еще яснее, чем в тылу, оформлял свои антивоенные настроения, но дикая расправа за всякое „недозволительное“ слово делала его очень осторожным. Но и при наличии такой осторожности солдат в письмах выражал свое непреклонное желание окончить войну.

„Особенно часто пишут о мире татары. Почти в каждом письме встречаются выражения: „скоро мир“... Не видно было в татарских письмах и ясного понимания переживаемого момента, а раньше все-таки замечалось, но теперь татары не вглядываются в будущее России; если будущее их и интересует, то исключительно свое узко национальное будущее. Сознывая, (хорошее сознание!), что „писать много нельзя, секут когда узнают, что солдаты правду пишут“—автор одного из писем тем не менее сообщает. „Терпим много бед. Пусть скорее мирятся цари, нам хуже не будет“—доносил казанский цензор 10 фев. 1917 г. Председателю Главной военной цензурной комиссии.

„Как характерное явление для писем татарских, следует отметить, что о победном конце войны, о необходимости выполнить поставленные перед Россией задания—приобретение проливов, Константинополя, полной победы над германизмом—совершенно не говорится.“—сообщал в феврале 1917 года цензор г. Уфы Даулей.

Татарский солдат нес двойной гнет в царской армии. Помимо жестоких, иступленных издевательств и мордобитий, которым он подвергался наряду с русским солдатом, татарин нес еще груз своего бесправия и национального унижения. Если помещики-офицеры были просто звери в отношении русских солдат, то они были лютыми зверями в отношении татар. Да подчас и несознательные, наиболее отсталые русские солдаты вымещали в насмешках, презрении, а то и побоях свои полученные от офицеров наказания.

Наш сотрудник т. Юсупов, прошедший всю войну на фронте и не раз получавший розги за невыполнение приказаний, рассказывает, что у них в 130 Херсонском полку в 10 роте взводный запрещал разговаривать по-татарски и собираться группами, ротный—бил за то, что, плохо зная русский язык, татары не умели петь „боже царя храни“, (по-татарски петь запрещали), несознательная часть русских солдат дразнила татар турками и басурманами.

Удивительно ли, что в большинстве писем татар-солдат содержится: „долой войну“. Откуда было взяться у татар-солдат патриотизму, откуда было появиться заботе о будущем России, о чем так печалуется цензор.

Татарская буржуазия и муллы напрасно уговаривали татар-трудящихся бороться во имя ислама за православную веру, царя и отечество.

Писем сохранилось немного. Отлично зная о расправе, „если узнают, что правду пишут“, татары-солдаты были очень осторожны в письмах, ограничиваясь часто только сообщениями о своем здо-

ровье, заботами о родных и т. п. Зная, что цензура особенно бдительна к письмам „инородцев“, да еще написанным на родном языке и зачастую просто уничтожает их (письма), не читая, татары-солдаты старались передавать своим родным правду о фронте через товарищей, едущих домой лечиться или на побывку.

Мало сохранилось татарских писем еще и потому, что цензора широко пользовались правом задерживать (которое они толковали в смысле уничтожения) все письма, если „не представится возможным их прочтение“. Цензорские пункты городов Казанского военного округа, имея в большинстве случаев одного (были периоды, что и ни одного) сотрудника, знающего татарский язык, регулярно прибегали к задержанию и уничтожению определенного процента „инородческих“ писем. На это цензора шли с легким сердцем, так как на опыте убедились, что почти каждое татарское письмо „содержит недозволенные сведения или направлено против войны“.

Необходимо учесть еще одно обстоятельство. Мною написанных по русски писем татар (особенно, кряшен), носивших русскую фамилию прошло в первых восьми разделах сборника. Нам не удалось в этих случаях определить национальность авторов.

Татарских писем, повторяем, сохранилось немного. Но и они дают полное право утверждать, что татары-солдаты воспринимали войну как явно чуждую им. Шовинистическому угару поддавалась значительно меньшая часть солдат-татар, чем русских. Муллы старались воодушевить солдат, обещая улучшение участи мусульман в случае победы России, но эта агитация имела ничтожный успех.

В февральские дни татары-солдаты активно искореняли всякие подвохи офицеров-приверженцев царского строя.

Очень быстро очухавшись от удушливой волны революционного оборончества, татары-солдаты, наравне с русскими, потребовали прекращения буржуазной войны.

Послефевральская националистическая пропаганда татарской буржуазии и мулл не пользовалась популярностью среди татарских солдат. Классовая солидарность росла и крепла. Татарин-трудящийся как на фронте, так и в тылу активно включался в борьбу, руководимую большевиками, против всяких, и русских и татарских, эксплуататоров.

Печатаемые ниже письма простым языком рассказывают то, о чем думал татарин-солдат в жуткие дни мировой войны.

№ 1.

ХАЙРУТДИНУ ФАХРУТДИНОВУ.

г. Казань.

Сообщил бы я о себе подробнее, да не велят писать. Братцы мои, дела наши плохи, но писать об них нельзя. Войска погибает многое множество: и от войны и от голода, и от холода.

Касим Хусаинов.
245 Бердянский полк.

№ 2.

Ф. МУХАМЕТОВОЙ.

Мензелинск.

Милая моя Фатыма.

Помнишь как мы мечтали с тобой 3 месяца назад. Я приезжал на побывку, службы оставалось полгода и я мог жить настоящей жизнью.

А теперь прощай жизнь. Я нахожусь на фронте.

Эх и как мы несчастливо родились. Война, надо воевать. Ничего не поделаешь, надо немцу дать по шапке. Русские вот веселятся им понятна защита родины, а нам мусульманам как то и не то. Но драться мы будем храбро, не хуже русских. Нас обучают атакам и боям ночью. Скоро в самый бой. Может и не вернусь я домой. Проси Фатыма, милости Бога, чтобы я вернулся победителем с гяурами.

Мухаметов.

21 сентября 1914 г.

№ 3.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ „ТУРМЫШ“.

Уфа.

Оставаясь без рук и без ног с раненой головой, даже мозги иногда вываливаются наружу, мы, мусульмане левого воззрения, стремимся в бой... В эти дни все мусульмане гибнут за славян и за икону... Во имя родины мы все мусульмане, рука об руку гибнем. Несмотря на это миссионеры стараются чтобы татары обезсилили, киргизы крестились. Кто оценит наши жертвы.

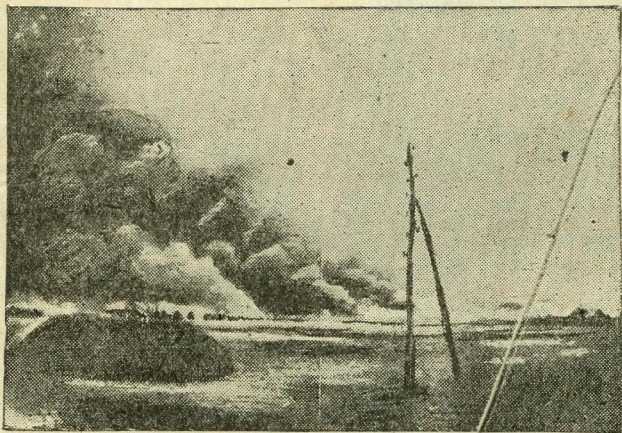
Подписи нет.

12 января 1915 года.

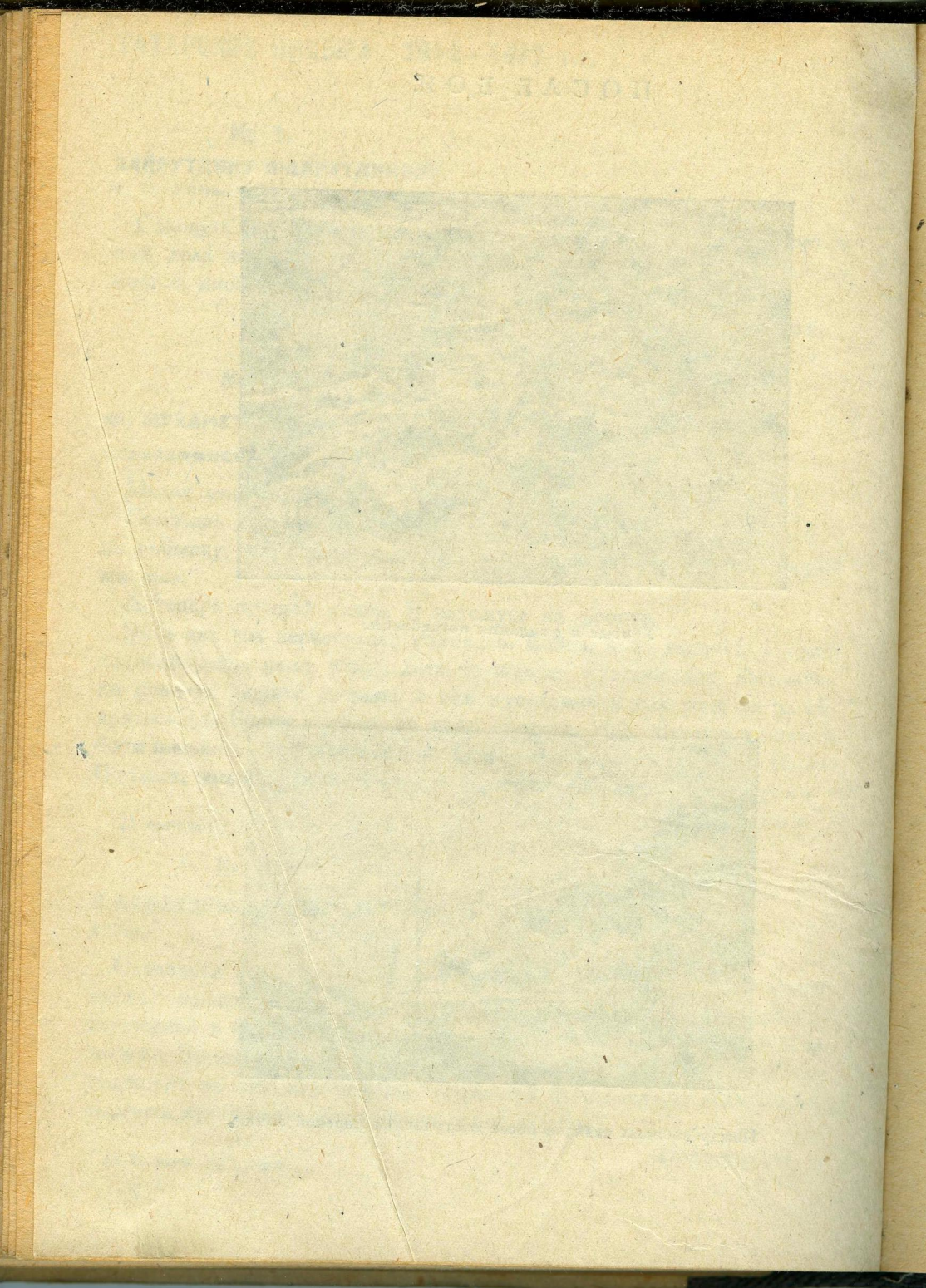
ПОСЛЕ БОЯ.

Убитые в ожидании погребения.

Пожар военных складов после отступления царской армии.

№ 4.

БОГАУТДИНОВОЙ.

Д. Азакеево.

Все города, которые мы взяли у Германцев и Астрийцев мы оставили т. к. нас оттуда выгнали. Все время мы отступаем назад, два месяца мы здесь не отдыхали, нам здесь и спать не дают, есть нечего и времени нет. От грома пушек мы уже ушами не слышим и остались совсем без ума. Мы здесь ходим как скотина. Эх и тяжело и не знаешь за что. Для кого мы землю завоевали и для кого отдаем.

Богаутдинов.

Штаб 7 армейского корпуса.

Декабрь 1914 г.

№ 5.

КИЯТДИНУ ФАХАРДАНОВУ.

Наше положение очень тяжелое, Германцы воюют очень хорошо сытые, а мы против их наполовину, у них много снарядов и пулеметов, они этого не жалеют, мы на них смотрим, а они стреляют, и так много бывает убитых, что никто не пересчитает, целыми горами. Города которые мы взяли у Австрии теперь там хозяйничают Германцы, а нам приходится из Галиции убираться. Если бы Вы знали наше положение как мы здесь мучаемся, то вы бы от жалости умерли.

Галямутдин Фахарданов.

221 Рославский полк.

№ 6.

ШАМСУ-МУХАМЕТУ.

Казань.

Для мусульман назначили в каждую армию по одному мулле. Назначенный в нашу армию 3-ю мулла с разрешения командира всех солдат мусульман собирает в ближайшее село, читает молитвы, увещевает нас и доказывает, что счастлив тот, кто ляжет смертью великих наших пророков. Радуйтесь ребята, говорит мулла, что Бог сам привел вас сюда умереть смертью пророков за отчество, за будущих детей ваших и за царя. Сражайтесь с врагом до последней капли крови. Это завет великого нашего пророка Магомета и вы должны это исполнить в точности.

Подписи нет.

105 Артиллерийский полк.

№ 7.

С. СУЛТАНОВУ.

г. Челябинск.

Я уж кажется пятое письмо посылаю, а Вы молчите. Неужели письма не доходят, ведь я и писал то самую пустяковину. А ведь как хочется с кемнибудь поделиться переживаемым, здесь не с кем. Я в роте один—татарин. Еслиб было несколько, мы могли бы постоять за себя, а то одни насмешки. Взводный у нас, правда, не драчун, но издевается страшно.

М. Якупов.

15 января 1915 года.

№ 8.

ГАРИФЕ СИРАЗУТДИНОВОЙ.

д. Б. Амиан.

У счастливых людей из 3-4 сыновей ни один не бывает солдатом а мы несчастные из 4 братьев трое стали солдатами. Старшие писали, что из за этого у них надрывается сердце. Что же делать, близок локоть, да не укусишь. Теперь скажу и тебе мама и сестре Фатыме—ничуть не печальтесь. Возмите да отрубите, хотя бы и кричал, два пальца у Галима. Если бы я избавился от рук неверных, я даже одну руку отрезал бы у Галимуллы, чтобы не дать ему испытать нужду. Да даст мне Господь Всевышний малую толику хлеба насущного да краткого путешествия. Да судит он вернуться домой в скором времени, по получении раны. Да не покажет Господь Всевышний нужду, которую я испытываю, и врагу моему.

Закир.

11 марта года. 1915

Гатчинский полк.

№ 9.

Ф. ДАВЛЕТЯРОВУ.

д. Аит.

Дорогой товарищ Фатых.

Я из города Темира поехал домой и жил дома около недели. Знаешь из за проклятой войны пришлось бросать самую любимую работу, а ведь уже стал было работать машинистом. И вот поехали на призыв в город Стерлитамак. Не успели мы показаться разные чиновники показывают пальцем дверь. Видели Тукаевых, богачей

нашей деревни, тоже приехали на призыв, уж они подмазали, где надо, и нашли причины, оставили их совсем негодными, а на самом деле здоровее нас.

Верна пословица—дела богача везде как масло. Их бы нужно в первую очередь. В Уфе нас около 3-х недель обучали, потом отправили на Германский фронт, как прибыли в г. Двинск, прямо в бой. Пока здоров. Рассказывают, что до нас здесь положили несколько полков. Не знаю за что нашего брата так режут, и ты на этот вопрос не можешь, наверно ответить.

Богатые сюда носа не показывают.

Пока всего хорошего. Я тебе написал открытку и там указал адрес. Пиши по этому адресу,

Юсупов.

15 марта 1915 года.

№ 10.

ШАЙХУТДИНОВУ.

г. Арск.

Второй год страдаем на этой проклятой войне. Да хоть бы удовлетворяли всем, да относились по человечески. А то на родном языке не говори, рыло под кулак подставляй. Вот немцы те знают, за что воюют. У них вон и генерал по имени обращается и в окопы приезжает. А у нас совсем на оборот..... Да еще вот татаризм мой. Хотел в школу прапорщиков—не взяли. А вот мулла говорит, что мусульманам будет польза, если Россия победит. Может что и будет, да толк то какой. Нет уж, лучше бы кончали войну, раз начали. Приехал бы я домой и не надо мне никакой победы. Здесь многие так думают и русские и мусульмане. Начальство вот только не хочет. Им все больше и больше надо. Завидные. А среди начальства совсем нет мусульман.

Бикбулатов.

№ 11.

МЯДИНЕ НУГАЕВОЙ.

г. Уфа.

Тяжело здесь жить, холодно есть нечего. Нам дают чечевичную похлебку; хлеба нехватает. Хорошо что я не один. Мы мусульмане живем дружно, как одна семья—у кого что есть, кушаем вместе, другие завидуют нам.

Балимзан Сибалхалгулов.

603 полк.

№ 12.

ГАЛИУЛЛЕ МУРАТОВУ.

г. Илецк.

Как здоровье Галиулла.

Ты теперь наверное радуешься. В мирное время тужил все время беспокоился. Если бы я тебе написал, что я видел и пережил, то ты удивился бы, пришел бы в ужас.

Знаешь здесь как во время молотьбы подают барабаном снопы—так и здесь только знают, из тыла в бой гоняют вот как дружок здесь.

Если от нас за 80 и 100 верст идет бой, то нам слышно все как гудок, а ночью видно как молния. Несмотря на то, что живем под страхом смерти еще нас мучают своими разными наказаниями.

Вот недавно несколькими моим товарищам дали по 25 и 40 плеток. Причина та они честь не отдали. И эту штуку мне тоже пришлось испытать. Например я и еще трое товарищей во время похода ели неприкосновенного запаса—сухари и консервы. И вот за это нам дали по 25 ударов. Знаешь в Мектебах когда нас учителя пороли сверх одежды и одним прутом несколько раз, а здесь сколько в приказе столько прутьев и прямо на голое тело за то, что 1½ ф. сухарей и банка консервов (с'ели).

Пища очень плохая, дают тухлую рыбу с чечевицей. И вот сидим, думаем. Незнаем на кого идем. Когда нас на фронт отправили говорили за отечество и за царя, ничего нам не понятно. На родном языке разговаривать не разрешают, как начнем говорить то сейчас же кричат „эй вы турки, некрещенные нельзя“ и вот дружок тысяча раз хуже чем в плену.

Ну дружок если писать тебе подробно, то бумаги не хватит я такое письмо 2-й раз пишу наверно не доходит.

Подписи нет.

28 мая 1915 года.

№ 13.

ВАЛИТОВУ.

г. Симбирск.

Мирсадык, нас обижают, ужасно строго на волю не пустят не почитают за собаку. Не чего дело не выдет. Сколько потерян кровь. А что касается до меня то что я жив и здоров. Временно строим мост через реку Сан в город Перемышлю. Ротный командир безумное как осел. Такой дурак но если бы по цывильности

то бы и в пастухи не годный. Спит всегда день и ночь и без подштанников. Залазит в мешок и раздевшись спит нагой прямо сказать не ребенок а наказание, одним словом бог наказал дураком а затем сколько он голодных нас мучил в походах и теперя люди у нас без шаровар остались у всех рванья, даже совестно от австрийцев. Затем теперя у нас на каждого брата по 35 руб. порционные и чайные от наших инженеров дровянные, всю зиму жидовские халупы топили (тойсь ломали) и у бедняков всю картошку поели бесплатно и эти деньги все у него с делопроизводителем, одним словом тысячи денег солдатских пропадают у них. Отдачи и помину нету а просить нету никаких людей, такая темнота собрана прямо веревки выют из нашего брата но если обо все писать даже бумаги нехватит. Пока жить можно воздух прохладный но не знай что дальше будет во время жаров по расположению разной падали, пожалуй большой смрат подымется, кроме мелкой падали еще очень много Австрийцы своих лошадей постреляли и совсем не глубоко зарыли, даже тысячи наружу видно. А народ не очень опрятный в окружности да еще у всех голод, хлеба совершенно нету и картофель все поедено войсками а россия не поспевает всего доставлять. Больше новостей пока никаких да и время не позволяет, отдыху совсем в нашей беспорядочной роте не имеется. В свободное время разные гимнастики проделывают как молодые солдаты и строевые занятия.

Твой друг Ш. Мухетдинов.

№ 14.

МИНХАДЖИНУ СИРАЖЕТДИНОВУ.

д. Минаево.

У нас в окопах вода и по колено грязь, нам здесь сидеть нельзя, все время день и ночь стоим на ногах. Германцы сейчас очень бьют наших солдат снарядами. Теперь по всему фронту наши дела стали хуже. Наши начинают отступать по всему фронту. Вы спрашиваете, что наши солдаты здесь кушают, они кушают всякую дрянь. Здесь хорошего ничего нет, если описать все наше здешнее положение, то Вам и нам будет плохо. Германские окопы сделаны очень хорошо, в них сухо, а в наших окопах все солдаты болеют, а германцы сидят в окопах, как у себя дома, вот поэтому у них дело все вперед, все они одеты, сыты, в порядке и оружия у них много.

Сагатдин Мухатдинов.

Май 1915 года.

Донской полк.

№ 15.

ХАЙРУЛЛЕ МАЗИТОВУ.

Казань.

Встаем в 3 часа утра и с того же времени начинаем учение, которое продолжается до 10 ч. утра. Учиться очень тяжело, приходится и плакать. Проситься в отпуск командир не разрешает, очень человек—плохой. Я повидавшись с Вами желал бы умереть. Очень тяжело. Одну бы минуту не жил здесь, но нечего делать. Ем и плачу. В прежнем месте я жил по крайней мере сытно, а здесь все время живешь голодный. Если я счастлив, то буду ранен, а если не получу раны, то значит, я несчастный и живым не приеду домой. Был бы рад если бы без одной ноги приехал, чем так мучиться здесь и чем умереть и лежать в сырой земле. Целый день и целую ночь бегаешь а на спине у тебя до 3-4 пудов вещей. Габдулла.

№ 16.

ХАЛИУЛИНУ.

Я служу не по своей воле, а под угрозой кяфира и здесь раненых без счета. Я один среди кяфиров. В бою под Лодзью с нашей стороны участвовало восемь корпусов, но Германцев тоже не меньше наших. Мы потеряли около 4-х корпусов убитыми кроме того многие из наших охотнее пошли в плен, таких прямо без счета, так как солдаты очень утомились при преследовании неприятеля.

Подписи нет.

№ 17.

ШАГИСЛАМУ ЗАБИХУЛЛИНУ.

д. Еушавой.

Русские солдаты кричат ура и бегут к германцам, а германцы вместо ура отвечают снарядами. Германец идет в наступление темными ночами, а наши спят, не имеют пулеметов, благодаря чему и пропадают. Когда мы идем в атаку мы только кричим ура, а пуль у нас не хватает. По трое суток нам не дают отдыха, бываем голодными тоже по трое суток, вследствие чего бежим назад, ходили мы в Галицию, Карпатах, но там у нас ничего не вышло и нам пришлось отступать назад. Германцы в Перемышле помогали Австрийцам, они нас так захватили, что мы бежали в одном белье без винтовок. Когда наши обозы идут, то германцы их уничтожают благодаря чему мы остаемся голодными.

15 декабря 1915 года.

Камелетдин Шагисламов.

№ 18.

ГАЙФУЛЛЕ САЙФУЛЛИНУ.

Казань.

Живем полуголодные, есть мало дают. Врага бьем слава богу, но бьем их так, что у них погибает два а у наших сто. Многие из наших остаются без ног и без рук.

Гарифзян.

№ 19.

ГУБАЙДУЛЛЕ САЙФУЛЛИНУ.

Казань.

Житье у нас здесь очень плохое: дают фунт хлеба, да и тот не берет нож. Едим вонючую рыбу, да гнилую капусту. Как попали сюда с тех пор бани не видели. Рубах и штанов не имеем совсем обовшивили. Вши выползают даже наружу. Через два месяца мы никуда годиться не будем, денег ничего не осталось. Дела наши весьма плохи мы как арестанты, лучше бы умереть, скорее на позиции.

Подписи нет.

140 пех. зап. батальон.

№ 20.

АХМЕТОВУ.

Казань.

Живем плохо, приходится делать 20 верст пешком и без отдыха. Солдаты при себе имеют около 2-х пудов багажа. Отставать нельзя. Устаю очень и болят ноги. От места боя находимся в 8-ми верстах. Как говорят, бой идет очень сильный. Здесь снег начал таять. У нас в Казани снеговая вода бывало светлая, а здесь будет совершенно другого цвета, а именно красная. Таким образом здесь с тела человека красная вода вся истечет. Жизнь солдата сплошное мученичество спит в холоде, пища плохая, кругом грязь, ругань начальства. По газетам не верьте, а то у Вас и так представление о войне неправильное. Газеты же одно вранье.

Байрамгалей.

Пулеметная команда.

№ 21.

ХАРИСУ ГАБДРАХМАНОВУ.

Казань.

Куда не пойдешь дружок везде германцы. Очень опасно. Вот недавно чуть спасся от них. Вот на днях ждем: будет сильный бой и что будет тогда не знаем. Дружок. Эй, Дружок. Таки живем ведь голодные: удивился бы ты дружок видя мое лицо. Скорее ранили бы меня, или смерть бы пришла: измучился я совсем. Нет терпения от холода, голода и вшей. Да Дружок суждено же мне испытать.

Подпись не разборчива.

151 пех. Пятигорский полк.

№ 22.

АХМАДЬЯНУ ШАФИКОВУ.

д. Новояринская.

Нам говорят здесь что нужно победить неприятеля, но как и чем мы его победим, когда по трое и четверо суток бываем голодны. Голодный никак не подвинется вперед. Нам на семь человек дают один каравай черного хлеба, а иногда и этого не дают, а только дают гороховый суп.

15 сентября 1915 г.

Хадык Шафиков.

136 пех. Таганрогский полк.

№ 23.

ШАМСУТДИНУ ГАРИФОВУ.

Казань.

Мы находимся в лесу на позиции, в день выпускаем 15-20 снарядов, германцы нас не видят, а мы их хорошо видим. С передовых линий возвращаются раненые, народ погибает, хотя мы утешаем себя тем, что война кончается скоро, однако бои идут и народ все умирает, а на пополнение убыли свежих все набирают.

Как же окончится эта война: окончилась бы она, если бы мы взяли Берлин и можем ли мы его взять летом, А может мы отдадим еще и свой Берлин. Ходим в баню, но от вшей никак не можем избавиться и откуда она берется на позиции.

Подписи нет.

№ 24.

САБИРЗЯНУ.

Казань.

Милые родители. Здесь трава и хлеба хороши, и трава косится хорошо и хлеб жнётся хорошо, но хлеб жнут больше враги, чем мы,

а косим одинаково. Прошу Бога только об одном, чтобы скорее меня ранили либо серпом, либо косой и тогда я на некоторое время избавился бы от здешних полевых работ. У врага и серп и коса очень острые.

Подписи нет.

№ 25.

Ш. САЙФАВУ.

д. Малый Сумбат.

Испытываю я всевозможные мучения: ложусь и погружаюсь в разные мысли. Работы очень тяжелые, отдыха нет и враг перед носом. Мне родина не мила. Где моя родина. Мы находимся около Минска—в лесу очень холодно и сыро: дождь и снег. У меня уже волосы стали седеть.

Хакимзян.

№ 26.

КАМАЛЕТДИНУ АБДУЛХАБИРОВУ.

д. Тайширово.

Мы здесь живем очень плохо, в солдатах служат только проклятые люди, в солдатах хорошим людям служить не стоит. Война нам надоела, что от неё нет пользы, кроме убытка. Лучшего ждать нечего, каждый день все хуже и хуже. Мир необходим. Сейчас мы находимся в деревни Лайнице Минской губ.

Подписи нет.

1-й Пограничный Рыпинский полк.

№ 27.

ИСМАИЛОВУ.

Уфа.

Вот вчера сюда приехал генерал, только не бригадный. Сделал осмотр и все роты обошел спрашивал: нет ли жалоб. Небойтесь, скажите. Я и тут побоялся сказать, потому что еще до выхода на смотр крепко было наказано: Сказали, что если есть у вас жалобы, то скажите. Если же вздумаете сказать там то таки и знайте, даже и до роты не дойдете. Наш ротный очень злой, в особенности для гололобых. Уж братец ты мой сколько не говори, то чего мусульман солдат так мучается, так убивается-мается и так много терпит—страдает. Это принадлежность его к татарскому народу, то есть не умение говорить по русски среди русских, как русские или даже лучше русского.

Подписи нет.

103 пех. полк 13 рота.

№ 28.

Ф. ХУСНУТДИНОВУ.

г. Мамадыш.

Вчера я получил георгиевский крест. Ходили мы давно уж в разведку и сняли австрийский дозор. Обещали, обещали и вот дали. Ротный сказал, это тебе Шакир, хоть ты и татарин и песни петь не умеешь, знай, что за русским царем служба не пропадает. Теперь тебя бить меньше станут. Вот я и думаю. Георгиевский крест всетаки защита, а то все подзатыльники и ругань. Шакир сходи за водой, Шакир топи печку, Шакир сторожи. Все меня заставляют, а потому что я мусульманин. Теперь не будут.

15 декабря 1915 г.

Ш. Фаткуллин.

№ 29.

А. МУХАМАДИЕВУ.

д. Трубкинская.

Теперь нам наверное не придется вернуться домой, наверно на весну придется здесь остаться. Теперь наша служба с каждым днем становится все тяжелее, раньше говорили мы, что нам плохо, а если бы знали мы что будет еще хуже, то сказали бы, что тогда было хорошо. Нам очень плохо, живем хуже собаки. По трое суток ходим голодом, в воде, день и ночь без отдыха. Такую нужду можно видеть только на проклятой службе. Одежды у нас и хлеба не хватает, а все воюют и не думают кончать войну, а если война будет продолжаться еще, то совсем уже останемся без ничего. Всем нам требуется мир и только мир.

20 января 1916 г.

Саифетдин.

№ 30.

АЛИЕВУ.

. Златоуст.

Чувствуешь ли ты, что нас здесь скоро покончат, нам еще хочется жить на свете. Я попал в очень плохой полк. Здесь беда, ежедневно новый приказ: если в плен попадешь — расстреляют, если ногу отморозишь, то под суд попадешь. Потом говорят, что мир до тех пор не будет, пока немца не выгонят. Ротный Командир у нас очень злой, а подпоручик злой особенно на татар. Здесь прапорщики и фельдфебеля незаслуженные на войне, а так и ничего не

знают. Нас теперь учат, как обращаться с японскими винтовками. Раньше мы были на Двинском фронте, а теперь хотят куда то перегнать.

Подписи нет.
12 Сибирский стр. полк.

Февраль 1916 года.

№ 31.

Х. МУХАМЕТОВУ.

Уфа.

С 20-го декабря до 20 января были сильные бои. Бедные наших погибло много. Я остался здоров, что у вас говорят о конце войны, Нам так надоело. Что бы там не было нас бы только отпустили. Чего им надо. Мне ведь ничего не надо. Узнай в городе от своих что думают о конце войны. Наши говорят: Беда, если еще придется, идти в битву, откажемся.

Шайахметов М.
12 Сибирский стр. полк.

28 Февраля 1916 года.

№ 32.

ГЕЙНИХАЯТ ГАЛЯМУТДИНОВОЙ.

Уфа.

Живем в окопах жизнь наша плохая: пищи нашей и собака не станет есть, подобие рыбы и воды. Киафр постом не захочет есть нашу пищу, что говорят о мире. Скорей бы нас отпустили. Вы пишете, что Ганий побывал дома, будто он убежал из роты; мне никак нельзя убежать: нас во всей роте только двое мусульман, заметят.

Подписи нет.
12 Сибирск. Стр. полк 15 рота.

№ 33.

ШАМСИБАНЕТ УРАЗМЯТОВОЙ.

Уфа.

Там тяжело, но и здесь очень тяжело теперь. Пусть будет известно, на днях прошел слух: говорят цари мирятся. Пусть мирятся или воюют между собой, нас бы только освободили, надоело.

Уразматов Хусиндин.

№ 34.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ „ТУРМЫШ“.

Уфа.

Как это унизительно: мы взятые из миллионного народа не имеем для чтения родной газеты и журналов. Неужели мы хуже других. Не нужно забывать, что нас 25 миллионов.

Калимуллин.

№ 35.

ЗАКИРУ КАДЫРОВУ.

Уфа.

В эти дни в полку до пятисот мусульман. Среди них есть люди с развитым сознанием. Часто приходят просить газету и журналов. Отказ раздражает их и высказывают обиду: неужели их голос отчаяния не дойдет до сердца наших родных.

Мухметджинов.

№ 36.

Г. КАМАЛЕТДИНОВУ.

Казань.

Рана зажила, чувствую хорошо. Хотел ехать домой—не отпускают, видно, „татаризм“ мешает. Доктор человек злой.

Назмутдинов.

№ 37.

НАСЫРОВУ.

Был приказ, чтобы за мусульманами установить строгий надзор, так как мусульмане будто намереваются сдаваться в плен, поэтому на одного мусульманина назначили для надзора по одному русскому солдату. Нам мусульманам, это очень оскорбительно и позорно, почему мы все пали духом, так как мы все как русские проливаем кровь. Если возможно, сообщите эти сведения редактору газеты для сообщения мусульманам.

Подписи нет.

№ 38.

ГАТАУЛЛЕ ШЕЙДУЛЛИНУ.

Ст. Чишма.

Сами находимся в сорока верстах от Риги к западу, позиции находимся уже 3 месяца и когда нам дадут отдых неизвестно. Не-

мешкие окопы на другой стороне Двины, а наши на этой стороне, расстояние между нами и немцами очень близкое. Что говорят немцы нам слышно. Они кричат нам: „идите сюда, мы накормим Вас. А мы кричим: Вы идите к нам, мы Вас хлебом угостим“. Пока мы так кричим друг другу, а пожалуй скоро мы пойдем к ним в штыки.

Подписи нет.

№ 39.

Ш. МУСИНУ.

Казань.

23 мая вечером начались по всей линии такие бои, какие мы до сих пор не видали. Бились с австрийцами непрерывно двое суток. Взяли мы 15 тысяч в плен. 7 пушек, 148 пулеметов и массу других военных принадлежностей. Сам я ранен в плечо и в ногу навывлет, очнулся только в больнице. Прихожу в себя и вижу: около меня сидит товарищ мой, с которым я раньше вместе ходил—это русский Андрей. Оказывается когда сразило меня пулей он со мной рядом был. Когда я пал в безпамятье он не забывал меня. Сам он бедняга все стрелял в врага, а меня носил все с собой: то положит на одно то на другое место и давал мне пить воды. Я это ничего не помню. Наконец, когда наши пошли вперед за врагом, он сдал меня в лазарет. Вот какой человек Андрей—хотя и русский. С русскими вместе страдаем и вместе будем войну кончать, чтобы мир скорее был.

Г а р и ф.

5 июня 1916 года.

№ 40.

АГАПУ САДЫГЛАЕВУ.

д. Дмитриевна.

У нас такие новости—нашего полку из седьмой роты стояли 4 человека на посту и они сговорились убежать в плен, бросили они винтовки и побежали ночью в 2 часа и побежали они и попали в окопы, они думали, что это австрийцы, а это наши ставропольцы. Этих троих поймали, а четвертый убежал в плен. Этих троих привели к нам в полк, утром 1-го декабря и тогда им сделали допрос и привели в штаб полка и держали их три дня, а на четвертый день приказ пришел, что их к расстрелу и накануне Николая угодника их стали расстреливать: поставили три столба в поле и

повели расстреливать и в это время было народу солдат и мирных жителей... глядели. Вот когда они подошли каждый к столбу и надели руки в петли в веревки, тогда к ним подошел поп полковой и их благословил и тогда они стали прощаться со всеми нами и кричали: „прощайте товарищи, мы уже уходим на тот свет“...

Когда их расстреливали офицер скомандовал всей седьмой роте: „пли“ и они выстрелили три раза и всех убили. Стреляли в 16 шагах. Я и многие из нас плакали. Подписи нет.

№ 41.

МУХАМЕТДИНОВУ.

д. Абсолямово.

Не слышно ли, что о мире, у нас ничего не слышно. Нам батальонный командир сказал, что пока свою землю мы не вернем — мира не будет, а чем будем завоевывать нам не говорят и мы тоже не знаем. С самого начала войны наши лучшие силы выбыли, остались на позиции одни дети да старики. Теперешние солдаты не только неприятеля, но и своих генералов боятся, сидят в окопах и плачут. Когда из окопов мы идем на отдых, то многие не могут нести винтовок им мешки им помогают другие солдаты. Этими детьми обратно земли не вернешь и скорее они попадутся сами немцам.

Кафафетдин.

июнь 1916 года.

№ 42.

МИФТАХУТДИНОВУ.

Говорим мы здесь только о мире. И зачем это воюют. Немцы бы жили на своей земле, русские на своей, мусульмане на своей и войны бы не было. Вот и говорят солдаты, что самим мир устроить и самим жизнь завести, чтобы все были одинаковы и русский и татарин.

Джамелитдинов.

№ 43.

З. ИМАНЯЕВОЙ.

Царицын.

Дорогая Зайнаб. Я пока жив и здоров, того и тебе желаю. Затем, я оправдался от известного дела, а то совсем пропал было. Вы сами хорошо знаете от чего пропадает солдат, троих осудили

на каторжные работы по 15 лет каждого, одного казнили, я был пятый, но почему то меня оправдали. Дорогая Зайнаб, я еще собираюсь убежать, что будет, то будет, смертей не три, а одна.

Карим Абдулла.

№ 44.

ИСЕНГУЛОВУ.

д. Калкаш.

Посылаю тебе карточку: Я этот снаряд нашел, вот меня ротный и снял.

Ты мне ничего не пишешь. Теперь боев нет, скука особенно одолевает. Солдаты рассказывают разные случаи, у нас недавно пригнали солдата Борисова, рабочего с тульского завода Морозова. И вот он потихоньку рассказывает что война начата богатыми, чтобы капиталы наживать. А мы дураки воюем. А что немец, что русский. что мусульманин все одинаково трудящиеся. Борисов любит меня, До него солдаты все насмеялись надо мной, дразнили свиным ухом и некрещенным, а теперь мы приятели. На днях пришел приказ грамотных послать в учебную команду. Фельдфебель подходит к Борисову—ты ведь грамотный. А вам кого, министра что ли надо. Ну, этот не подойдет—бурчит фельдфебель. Почему, говорю, ты Борисов не идешь в учебную команду. Да вояка я плохой.

Хороший он человек, только начальство его не любит. Он больной, стоять прямо не может. Его взводный все бьет. И он молчит. Хоть и злится, а сказать нельзя...

Скоро наверно на передовые позиции, а то без боев то изнежмися. Если Ахметова не взяли, то скажи, чтобы он постарался не ходить.

15 июля 1916 г.

Мусин.

№ 45.

М. ГАСИНОВУ.

д. Стерлибаш.

Вот нам еще пригнали новых. Среди них есть такие ребята, что прямо говорят нам потихоньку—что Вам здесь товарищи до каких пор будете и будем эту кровоточивую работу вести, а ведь в деревнях никого не осталось, там исключительно старики да женщины.

12 января 1917 года.

Подписи нет.

№ 46.

ИСМАГИЛУ АХМЕДУЛЛИНУ.

Мы каждый день ждем мира и даже видим его во сне, его ждет, мне кажется, не только мы, но и весь мир. Война всем надоела. Дело приближается к весне, что она нам даст, я надеюсь, что она даст нам мир, а не даст так мы сами сделаем.

М. Х.

12 февраля 1917 года.

№ 47.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА „ШУРА“.

Пусть пройдет эта угнетающая темная ночь. Пусть восходит светлое и яркое солнце. Будет уже, не мало пролито крови и потоплено несколько миллионов людей. Почему люди убивают друг друга. Ведь они родные. Когда кончится это зверство. Эй Бог. У твоих рабов нет родства, нет милости ни любви. Проливают кровь и слезы.

Макаримов Идрис.

18 февраля 1917 года.

№ 48.

ДАУТУ СУЛЕЙМАНОВИЧУ БАКИРОВУ.

г. Оренбург.

Пока мы живем спокойно чрезвычайно важных известий нет. Служба тяжела. Что делать: думаю подождать. А то это проклятое положение надоело. Будет ли конец этому или оно продолжается до светопредставления. Пора бы уж притти к какому нибудь исходу. Не знаю, когда взойдет солнце свободы. Ох несчастная судьба, когда же мы освободимся от когтей ея. Трудно бывает писать, когда не спокойно душе твоей и когда сгущается кровь твоя.

Мухтаров.

№ 49.

ШАШМАРДАНУ ГАЛИЕВУ.

д. Намаргузы.

Пока у нас здесь работы прекратились, все рабочие сразу отказались от работы. Говорят что с 24-го начнется большая забастовка 25, 27, 28-го лавки и магазины не открывались. Все ждем, что только может случится. Настроение у всех очень тревожное по ночам

не спим. Каждый день полиция гонит народ на работу, но народ не зная смерти, отказывается—не идет на работу. Шахта пока закрыта. Отчего это так случилось и из за чего все это—никто не знает. Рабочие уже одного полицейского убили.

Габдул Галиев.

№ 50.

А. Р. САМСОНОВУ.

На этих днях ждут в городе больших забастовок поэтому пограничное войско и сейчас вооружено, лошади оседланцы, по ночам даже не спят; если и спят то по очереди. Народ сильно расстроен. Пишите по адресу—г. Ревель Малая Перновская д. № 11 кв. 3. Дмитрию Ивановичу Барановскому для Шамсонова. Этот человек хороший и надежный.

Усман Шамсонов.

12 Ревельский конный полк, команда связи.

12 февраля 1917 года.

№ 51.

МУРТОВУ.

Уфа.

Вчера принимали присягу Временному Правительству. Вот ловко. Был Царь триста лет, а теперь и нет. Теперь сами хозяева. Эфенди говорит, что мы мусульмане теперь должны еще больше бороться за свободу, что тогда будем жить свободно, как мусульмане. Нехочется только теперь и воевать. Русские не хотят и мы тоже. А нас в полку 300 человек. Свободно можно жить и без войны. Теперь и русский и мусульманин равны и для чего воевать. Так мы и постановление вынесли и комитет избрали, немцам это говорим. А немцам тоже надоело нас бить. Будем—кричат—кончать. Офицеры не хотят, ну и пускай воюют и мулла пускай воюет. А мы посмотрим.

Г. Фазылонов.

№ 52.

ГАТМУЛЛИНУ.

За что мы даем сотнями тысяч молодые силы. Война будет одним большим препятствием для прогресса человечества. Что будут

делать тысячи искалеченных рабочих; им высосут последние капли крови... если брдут роптать на судьбу, то опять по прежнему станут бить их нагайками... Может случится, что я умру, тогда могу пожелать тебе отомстить за меня и моих товарищей.

Подписи нет.

Май 1917 г.

№ 53.

Х. САТАРГАЛЕЕВУ.

г. Царицин 155 зап. полк.

Мы теперь не наступаем и Вы там держитесь если будут отправлять на позицию—откажитесь.

Михтахетдинов. Насретдин.

12 июня 1917 года.

№ 54.

САГИДУЛЛИНУ.

г. Царицин.

На фронте у солдат у всех и у нас настроение скверное, по тому что с каждым днем ожидали мир, а между тем начальство желает наступления, вот происходит столкновение мы все заодно против старорежимников.

Штемпель: Полевая контора № 25.

18 июня 1917 года.